

РОЛЬ ОБРАЩЕНИЯ В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ АДРЕСОВАННОСТИ В ЛИРИКЕ А. С. ПУШКИНА

*Работа представлена кафедрой русского языка.
Научный руководитель - доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАО С. Г. Ильенко*

В лирике Пушкина перед читателями предстает своеобразная система средств адресованное^{TM1}, опирающаяся на общезыковую систему. Напомним, что к таковым относятся языковые элементы структуры и состава предложения, которые указывают на наличие воспринимающего речь: обращения, местоименные формы второго лица **ты/вы**; императив, оформляющий побудительное предложение, вопросительные предложения.

Центральное место в системе средств адресованноеTM в пушкинской лирике принад-

лежит обращению. В поэтическом тексте обращение выступает не только как экспрессивное и эмоциональное средство, но и играет важную текстообразующую роль, участвуя в развитии и построении композиции текста, в выражении художественных смыслов, и, как следствие, становится отражением эволюции взглядов автора на происходящее. Сказанное порождает вопрос о мотивах использования обращения в текстах.

Таких мотивов, отражающих в своей совокупности творческие пристрастия поэта

и, как было сказано, этапы его эволюции, в лирике Пушкина можно обнаружить по крайней мере четыре. Они могут быть представлены в виде следующих групп: 1) группа обращений, отражающих историко-биографические факты жизни поэта; 2) группа обращений, отражающих мировоззренческие ориентиры; 3) группа обращений, отражающих содержательно-тематические особенности произведений; 4) группа обращений, отражающих эстетические ориентиры поэта.

Историко-биографическая группа представлена обращениями к лицам, окружавшим поэта в разные периоды жизни, - друзьям, возлюбленным, историческим деятелям и даже недругам. Ими устанавливаются те типы отношений, которые существовали между адресатами: дружеские, любовные, личной неприязни.

Тема дружбы - одна из центральных пушкинских тем. Любовь, преданность и сочувствие другу для Пушкина были священны. Естественно, это не могло не сказаться на использовании обращений. Самые распространенные среди них формы - друг, друзья, а также имя близкого человека: *«Мой первый друг, / Мой друг бесценный!»* («И. И. Пушину»)²; *«Друг Дельвиг, мой парнасский брат, / Твоей я прозой был утешен...»* («Дельвигу»).

Подобные обращения занимают в тексте центральное место, определяя содержание и тональность стихотворения.

Среди обращений, репрезентирующих любовные отношения, обращения по имени и фамилии встречаются крайне редко. Это объясняется особенностью любовной лирики - лирический адресат должен оставаться тайным.

Обращения у Пушкина, если иметь в виду их жанровую принадлежность, разнообразны: от шуточных юношеских стихотворений (*«Но, Наталья! Ты не знаешь, кто твой нежный Селадон...; Знай, Наталья! - я... монах!»* - «К Наталье») до возвышенных, полных искренности и восхищения (стихотворения, посвященные Н. Н. Гончаровой): *«Исполнились мои желанья. Творец / Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна, // Чистейшей прелести чистейший образец»* («Мадонна»),

Тону искренних чувств в дружеских и любовных обращениях противопоставлен тон злой насмешки в эпиграммах, где отражена неприязнь поэта к недругам и обидчикам. Так, значительное количество эпиграмм (одиннадцать) адресовано редактору журнала «Вестник Европы» М. Т. Каченовскому, ярому противнику карамзинского направления, отличавшемуся глухостью к новым веяниям и таланту. Возмущение, переполнявшее поэта, отразилось и в обращениях: *«Уймись - и презним ты стихом доволен будь, / Плюгавый выползок из гузна Дефонтена»* (1818); *«Хаврониос! Ругатель закоснелый, / Во тьме, в пыли, в презренье поседель, / Уймись, дружок! / К чему журнальный шум / И пасквилей томительная тупость?»* (1820). Безусловно, не во всех эпиграммах есть обращения, но объединяет их язвительный тон, высмеивающий отсталость и нетерпимость к новому во взглядах Каченовского.

Историко-биографические мотивы в творчестве Пушкина не могли не найти отражения в его отношении к лицам, оставившим след в истории и культуре России, что сказалось и в ориентации на прием обращения. Одно из таких стихотворений - «К вельможе». Оно посвящено весьма заметному лицу екатерининского времени - князю Н. Б. Юсупову. В его имени Архангельском, описание которого дано в стихотворении, Пушкин не раз бывал.

Стихотворение «К вельможе» отличается своей метафоричностью, в том числе использованием метафорического обращения: *«Лишь только первая позеленеет липа, // К тебе, приветливый потомок Аристиппа, // К тебе явлюся я; увижу сей дворец»*.

Форма обращения выдержана в стиле эпохи, представителем которой был князь Юсупов. Таким образом поэт отдает дань уважения дипломату, побывавшему с поручениями в Англии, Франции, Испании, Италии, встречавшемуся с представителями европейского просвещения, осознавшему привлекательную для поэта истину: *«Ты понял жизни цель: счастливый человек. / Для жизни ты живешь»*. Но главное для Пушкина то, что Юсупов - живой свидетель переворота в истории Европы, связанного с событиями

Французской революции: *«Все изменилось. Ты видел вихорь бури, / Падение всего, союз ума и фурий»*³ (курсив мой. - Т. Л.).

Один из самых сложных мотивов появления обращения у Пушкина связан с эволюцией его мировоззрения. Одной из составляющих мировоззрения Пушкина всегда было отношение к свободе. «Свобода и Россия - два метафизических корня, из которых вырастает его (Пушкина. - Т. Л.) личность»⁴.

В творчестве поэта наиболее заметны три аспекта в его осознании свободы: стихийный, политический, творческий.

Воплощение стихийной свободы поэт видит в пирах, веселье и вине, в стихийных проявлениях природы, и прежде всего в море: *«Что смолкнул, веселия глас? / Раздавайтесь, вакхальны припевы!»* («Вакхическая песня»); *«Теки, вино, струю пенной / В честь Вакха, муз и красоты!»* («Торжество Вакха»); *«Кто, волны, вас остановил, / Кто оковал ваш безмогучий!»* («Кто, волны, вас остановил...»).

Красота стихийной свободы надолго овладевает поэтом. Это особенно проявилось в стихотворении «К морю» (1824 г.). В нем обращение занимает начальную позицию, оно вводит тему прощания с прежними идеалами, со стихийной свободой: *«Прощай, свободная стихия! Однако порождает и вопрос: Мир опустел... Теперь куда же / Меня б ты вынес, океан?»*

Стихийная свобода тесно переплетается со свободой политической (условно названным нами вторым аспектом восприятия Пушкиным свободы). Для достижения политической свободы Пушкин в юности не исключал возможности народного возмущения и восстания. Здесь уместно напомнить прямые политические выпады раннего Пушкина периода «Вольности» и «Деревни», когда для него существовала своеобразная антитеза обращений: **рабы - тираны**: *«А вы, мужайтесь и внемлите, / Восстаньте, падшие рабы!»* («Вольность»); *«Питомцы ветреной судьбы, / Тираны мира! Трепещите»* (там же).

В этом ряду характерно и появление пушкинского «Кинжала» (1821 г.), в котором прославляется орудие свободы: *«Лемносский бог тебя сковал / Для рук бессмертной Немезиды, / Свободы тайный страж, карающий кинжал, / Последний судия позора и обиды»*.

Однако со временем поэт приходит к выводу о безрассудном характере стихийных революционных выступлений. Понимание неосуществимости свободы с помощью «кинжала» и «меча» у поэта сопровождалось горьким разочарованием. Это отчетливо прослеживается в его переписке-диалоге с П. А. Вяземским. В одном из писем (1826 г.) последний присылает Пушкину стихотворение «Море», являющееся откликом на расправу с декабристами. В нем автор все еще признает красоту и силу стихии, что находит отражение и в обращениях: *«О волны, красоты богиню / Я признаю за вашу дочь!; Сюда, поэзии жрецы! / Сюда, сущности жертвы! / Еще здесь светит пламень мертвый, / Еще здесь живы мертвецы. / Поэзия про вас хранит / Свои преданья и поверья, / И здесь, где моря вал шумит, / Святыни светлые преданья!»*⁵.

Море (волны) для Вяземского по-прежнему символ свободы. Пессимистически настроенный Пушкин ему возражает в стихотворной же форме: *«Ты славил лирой золотой / Нептуна грозного трезубец. / Не славь его. В наш гнусный век / Седой Нептун - земли союзник / На всех стихиях человек / - Тиран, предатель или узник»*. В ответе Пушкина (подчеркнем это особо) принципиально не может быть обращения к морю⁶.

Изучение мировоззренческой основы поэзии Пушкина включает в себя и вопрос об отношении поэта к религии. Этой теме посвящена обширная литература. Представляется убедительной позиция В. Ходасевича, который писал, что «вся религиозная жизнь Пушкина была лишь *исканием веры* (курсив мой. - Т. Л.)»⁷. Безусловно, на смену свойственному поэту атеизму и эпикурейству периода Лицея и «Зеленой лампы» пришли более глубокие размышления о Боге, но было ли это полным перерождением, до конца не ясно. Тем не менее, характерно, что именно в последний период творчества появилось переложение поэтом молитвы Ефрема Сирина. Отсюда и факт теологических обращений: *«Владыко дней*

и

*моих! Дух праздности унылой, / Любоначала,
змеи сокрытой сей, / И празднословия не
дай душе моей, / Но дай мне зреть, о Боже,
прегрешенья, / Да брат мой от меня не при-
мет осужденья, / И дух смирения, терпения,
любви / И целомудрия мне в сердце оживи»*
(«Отцы пустынноики и жены непорочны...»).

Разочарование в неосуществимости политической свободы не ведет к отказу от свободы как таковой. Теперь поэт видит ее в новом образе - образе свободы творческой (мы назвали его в качестве третьего аспекта пушкинского подхода к свободе).

В этот период основным пушкинским тезисом, касающимся творца, становится: *«Ты царь: живи один. Дорогою свободною / Иди, куда влечет тебя свободный ум, / Усовершенствуя плоды любимых дум, / Не требуя наград за подвиг благородный»* («Поэту»). При этом творцу-поэту необходима свобода не только от власти (царя), но и от черни, «бессмысленного народа»: *«Молчи, бессмысленный народ, / Поденщик, раб нужды, забот! / Несносен мне твой ропот дерзкий, / Ты червь земли, не сын небес; / Тебе бы пользы все - на вес / Кумир ты ценишь Бельведерский, / Ты пользы, пользы в нем не зришь. / Но мрамор сей ведь бог!..»* («Поэт и толпа»).

Неслучайно, что стихотворение оканчивается знаменитым заключением поэта: *«Не для житейского волненья, / Не для корысти, не для битв, / Мы рождены для вдохновенья, / Для звуков сладких и молитв»*.

Таким образом, идея свободы не покидала Пушкина никогда, была «сквозной» темой всего его творчества.

Перейдем к обращениям, связанным с содержательно-тематическим мотивом. Широкие рамки смыслового и хронологического пространства творчества Пушкина обуславливают трудности в нахождении критериев для классификации используемых поэтом обращений. Укажем прежде всего на две их группы: *собственно обращения к лицам и обращения-олицетворения*.

Под *собственно обращением* понимается лицо, привлекающееся поэтом для участия в коммуникации, а следовательно, способ-

ное реагировать на сказанное или словом, или чувством, или действием. Эта группа типична для русской поэзии XIX века. В качестве обращений выступают:

1. Лицо, названное собственным именем (либо только именем, либо только фамилией лирического субъекта): *«Алина! Сжальтесь надо мною / Не смею требовать любви...»* («Признание»); *«Языков, кто тебе внушил / Твое посланье удалое?»* («Языкову») и др. 2. Лицо, названное с использованием сословно-профессиональной лексики (*монах, ящик, гусар, князь, господа, барон, поэт, прозаик, критик и др.*). 3. Лицо, представленное лексикой родства (*сестра, брат, дядюшка, тетушка*). 4. Лицо, определяемое по фактору тендера и возрастному признаку (*мачычик, отрок, юноша, старик, девицы*). 5. Лицо, названное по его национальной принадлежности (этнонимы: *калмык, калмычка, гречанка*). 6. Лицо, характеризующееся личностными отношениями между коммуникантами (дружескими, любовными, личной неприязни): *друзья, товарищ милый, приятель задушевный, друг сердечный; мой ангел, мой нежный друг, милая моя; враги мои, неверные друзья, угрюмый сторож муз, Гонитель давний мой, другжок*.

Под *обращением-олицетворением* понимается предмет; явление или психическое состояние, которые предстают в качестве условных участников коммуникации (естественно, не способных ответить словом или делом): *Где вы, лета беспечности недавней?* («Кн. А. М. Горчакову»).

В качестве обращений выступают: 1. Явления живой и неживой природы (*соловей, конь лихой, кобылица молодая; послушное ветрило, небеса, море, океан, луна, волны, ветры, весна, ручей* и др.); гидронимы (*Дон, Терек, Волга*); топонимы (*Рим, Греция Казбек, Москва* и др.). 2. Предметы окружающей действительности (иногда вымышленной): *фонтан, лампада, чаша, письмо, талисман, камин, вино* и др. 3. Отвлеченные понятия, чувства, состояния (*мечта, минуты умиленья, надежды, священная свобода, любовь, стыд, веселье, счастье, лень, сон, радость* и др.). 4. Атрибуты творческой деятельности (*лира, рифма, муза, чернильница*). 5. Обращения-мифони-

мы (имена богов и мифологических персонажей): *Морфей, Вакх, Аполлон, Сатурн, Амур, Феб, Эдип* и др.

Таким образом, разновидности собственно обращений и обращений-олицетворений, составляющих основу содержательно-тематического мотива, не только отражают широкий круг адресатов реального и даже вымышленного мира, с которыми поэт вступает в диалог, но и сближают отдаленные в пространстве и времени явления и лица, что определяет особенности поэтики, очерчивает те сферы жизни, с которыми он был тесно связан.

Эстетическое восприятие действительности (четвертый из названных мотивов) чаще всего опирается на обращения-олицетворения. Яркой иллюстрацией этого может послужить стихотворение *"Мне вас не жаль, года весны моей..."*. В стихотворении представлено четыре обращения-олицетворения (*года весны моей, о таинства ночей, венки пиров и чаши круговые, минуты умиления*).

Начальную позицию в стихотворении занимает обращение года весны моей, оно открывает тему оценки прошедшей жизни. Ушедшее не вызывает сожаления поэта: *«Задумчивый, забав чуждаюсь я»*. Это отразилось и в синтаксических повторах, основу которых составляют обращения: *«Мне*

вас не жаль, года весны моей»; *«Мне вас не жаль, о таинства ночей»*; *«Мне вас не жаль, неверные друзья»*; *«Мне вас не жаль, изменницы младые»*. Приведенные обращения раскрывают содержание юношеской жизни, о которой поэт не жалеет, однако и не отвергает, так как она подарила ему надежды, «жар и слезы вдохновенья». К ним он вновь взывает, что реализуется не только в обращении *минуты умиления*, но и в повторе обращения в принципиально другом контексте *года моей весны* (организующего его кольцевое строение) и подкрепленного другими средствами адресованности: местоимением *вы*, вопросительной конструкцией и повелительным наклонением: *Но где же вы, минуты умиления, // Младых надежд, сердечной тишины? // Где прежний жар и слезы вдохновенья? // Придите вновь, года моей весны.*

Подытоживая, подчеркнем еще раз, что отличительной чертой лирических произведений Пушкина является наличие своеобразной системы средств адресованности. Что касается обращений, важнейшей составляющей этой системы, то их широкое и разнообразное использование обуславливается историко-биографическими, содержательно-тематическими, мировоззренческими и эстетическими факторами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Гайсина Р. М.* Средства речевого контакта в отношении к структуре предложения // Вопросы синтаксиса русского языка: Сб. ст. - Ростов-на-Дону, 1971; Гольдин В. Е. Обращение: теоретические проблемы. - Саратов, 1987; Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986; Чаплыгина И. Д. Средства адресованности: ты-категория в современном русском языке: Автореф. дисс.... д-ра филол. наук. М., 2002.

² В качестве иллюстративного материала используется следующий источник: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. В 10 т. - Т. 1, Т. 2, Т. 3. М., 1963.

³ Это основная тема послания. Она обнаруживает несправедливость нападок Н. Полевого, обвинявшего Пушкина в лести перед вельможами. «Оправдывает» поэта и переписка с П. А. Вяземским, который просил Пушкина о встрече с Юсуповым (см. письмо от 19 декабря 1830 г.). На письмо его был получен такой ответ Пушкина: «Вчера видел я кн. Юсупова и исполнил твое поручение, допросил его о Фонвизине и вот чего добился. Он очень знал Фонвизина, который несколько времени жил с ним в одном доме. <...> Он знает пропасть его *bons mots* (острот. - *Т. Л.*), да не припомнит» (Переписка А. С. Пушкина. В 2 т. М., 1982. - Т. 1. С. 293).

⁴ *Федотов Г.* Певец империи и свободы // Пушкин в русской философской критике: конец XIX - первая половина XX вв. М., 1990. С. 357.

⁵ Переписка А. С. Пушкина. Указ. Соч. С. 248, 250.

⁶ Недоверчивое отношение Пушкина к морю связано в данном случае и со слухом о возвращении *на корабле (морем)* в Петербург привлеченного к делу декабристов Н. Тургенева. На что Пушкин замечает в письме Вяземскому: «Вот каково море наше хваленое!» (Переписка А. С. Пушкина. Указ. Соч. С. 253).

⁷ *Ходасевич В.* Приложение к статье О. С. Булгакова «Жребий Пушкина» // Пушкин в русской философской критике. Указ. Соч. С. 493.